

Этот же автор говорит о папоротнике как о главном материале для крыш в каком-то селении в верховьях р. Мацесты [115, № 12, с. 357].

Дома племенной знати отличались от домов рядовых общинников размерами и богатством внутреннего убранства. П. Невский, побывавший в Убыхии непосредственно после эмиграции населения в Турцию, оставил беглое описание дома Хаджи-Бабуко Берзека в селении его же имени. «В ряду хижин <...>, — говорит он, — возвышается новый, двухэтажный деревянный дом с тесовой крышею <...> в верхнем этаже <...> находились комнаты князя (так он именуется Хаджи-Бабуко. — Л.Л.) оклеенные дешевыми разнокалиберными обоями; в спальне стояла железная широкая кровать, с балдахином, увенчанная короной. Комнаты освещались окнами, в которые вставлены были рамы со стеклами. Вокруг верхнего этажа устроена галерея; в нижнем — конюшни и кладовая» [109, № 101].

О других хозяйственных постройках мы почти ничего не знаем. И.О. Орехов лишь мимоходом указывает, что убыхи «хлебные амбары утверждали обыкновенно на столбах негноя» [115, № 11, с. 174]. В другом месте он уже упоминает «овечий загон, выстроенный из тесу и тесом крытый» [115, № 12, с. 351]. Этим и исчерпываются все наши сведения о подсобных постройках убыхов.

Все приведенные нами данные о типах населенных мест, дворах, жилищах и хозяйственных постройках не позволяют сделать вывод о наличии у убыхов чего-то специфического, отличного от соответствующих видов материальной культуры черкесов и абхазов. Разбросанность дворов была характерна для всего побережья. Огораживание частоколом до сих пор распространено в Шапсугии и Абхазии. Турлучные дома с тесовой или дранковой крышей, с глиняным полом, навес перед домом, очаг — все это также является типичным для Шапсугии и Абхазии. Там же встречаются как одноэтажные, так и двухэтажные дома. Полную тождественность абхазским и черкесским представляют и указанные нами амбары и загоны.

Занятия

Население Убыхии занималось, главным образом, скотоводством, земледелием и садоводством (в том числе виноградарством). Подсобную роль играли: пчеловодство, охота и разные ремесла. Я.Н. Раенко-Туранский совершенно неосновательно считал главным занятием убыхов охоту и торговлю [126, с. 20].

По условиям местности, земледелием занимались больше на побережье. На побережье «не видишь ни одного клокка земли, доступного к обработке, который оставался бы в запущении. Горы, изрезанные до са-

мых вершин шахматами пашней» [136, май, с. 313]. Поля расчищали от леса и камней и разрыхляли почву «инструментом, похожим на кирку». Известен был не только мотыжный способ обработки земли, но и плужный. Употребляли плоскую, дугообразную соху с короткими, почти перпендикулярными ручками [13, с. 41–42]. Мотыжный способ преобладал в Верхней Убыхии, где земледелие носило чисто подсобный характер и не удовлетворяло потребностей населения в хлебе. «Убыхи, по-видимому, мастерски пользовались каждым клочком земли» [115, № 12, с. 343]. Сеяли кукурузу, ячмень, просо, пшеницу. Сеяли, главным образом, только для личного потребления, но все же существовал и обмен излишков побережного земледелия на мед, фрукты и другие продукты Верхней Убыхии. Из огородных культур разводили: лук, чеснок, красный перец, свеклу, тыкву, репу [136, май, с. 313; 143, ч. II, с. 39–40; 111, № 23; 109, № 97; 23, с. 13; 117, с. 134].

О развитии убыхского садоводства говорят почти все авторы, писавшие об этом крае. Их селения «тонут в зелени садов и рощиц» [136, май, с. 313]. После выселения убыхов в Турцию долго дивились новые пришельцы большому количеству фруктовых деревьев; здесь росли каштаны, орех, яблони, груши, сливы, вишни, черешни, персики, айва, хурма, тутовники и виноград [115; 8, с. 137; 70, с. 10–11; 23, с. 7]. Об убыхах говорил И.О. Орехов, что они «при приемах садоводства, вероятно самых простых, производили высокие сорта нежных плодов» [115, № 12, с. 343; 78, с. 475–476]. Убыхские сады, хотя и не пестрели большим разнообразием фруктовых деревьев, тем не менее фрукты отличались сочностью и величиною (одни) и продолжительной сохранностью (другие) [32, с. 147]. Известно, что ахчипсоу — соседний с убыхами народ — занимались сушкой каштанов, которыми питались зимою, предварительно разварив их в воде и подав на стол с маслом или молоком [143, ч. II, с. 40]. Не исключена возможность, что и необеспеченные хлебом верхние убыхи также прибегали к такому использованию фруктов.

Особенно славились убыхи своими виноградниками. Приготовленные ими вина будто бы «нисколько не уступают в доброте французским» [111, № 24]. Виноград обычно сажался под деревьями, по которым он и вился. Новицкий сообщает о размерах виноградарства явно преувеличенные сведения: «Убыхи, чопсуги (шапсуги. — Л.Л.) и гуаие <...> в отношении к произведениям земли щедро награждены природою. Без малейшего со стороны их усилия земля производит разные фруктовые деревья, а в особенности виноградные лозы. Народы сии, пользуясь щедрыми дарами природы, питающими их без трудов, склонны к праздности и пьянству, в котором постоянно проводят дни свои. Род жизни сей занимствовали они от абазинцев и, забывая правила корана, подражают им в невоздержанности. Количество произрастающего винограда у народов

сих в таком избытке, что они никогда не успевают собирать его» [111, № 24, с. 115; 92, с. 159; 20, с. 342–343; 167, с. 32; 85, № 50 и 1; 78, с. 463].

Большое значение в убыхской экономике имело экстенсивное скотоводство эйлажного типа. Многие авторы упоминают о виденных ими в этом крае больших стадах овец, коров и табунов лошадей. Из-за недостатка собственных пастбищ убыхи вынуждены были обращаться к своим северным соседям абдзахам за разрешением частичного выпаса на северной стороне Главного хребта [6, т. X, с. 683], а так как абдзахи были заинтересованы в добрососедских отношениях с убыхами, через посредство которых торговали с Турцией, то и допускали их скот на свою территорию. И мы знаем, что иногда убыхский скот царские войска захватывали в Абдзахии. Скот не знал стойлового периода; зимою он кормился на приморских пастбищах [23, с. 13]. Характерно, что Дж. Белль не мог приобрести в Хизе фуража для своей лошади, так как запасы его были лишь у местного богача Хассан-бея, к которому и пришлось обратиться [13, с. 366]. Продукты скотоводства служили основой для пищи и многих домашних промыслов, а некоторая часть их (кожи, шерсть) поступала на экспорт.

Сравнительно широко было распространено бортничество и пасечное пчеловодство [111, № 24; 92, с. 159]. Еще древние греки сообщали об этих видах хозяйства как о широко развитых на Западном Кавказе. Ф.Ф. Торнау, побывавший у ахчипсовцев, рассказывает, что там «имеется отличный мед, добываемый от горных пчел, гнездящихся в расселинах скал. Этот мед очень был тверд почти как песочный сахар и весьма дорого ценится турками» [143, ч. II, с. 40]. Имеем основание это сообщение отнести и к соседним убыхам.

Меньшее значение в XIX в. имели охота и рыболовство. Первой, очевидно, занимались лишь отдельные немногочисленные лица. Но мы имеем право утверждать, что этот вид занятия раньше играл значительно большую роль. На всем Западном Кавказе не случайно был развит культ охотничьего божества, в том числе и у убыхов (о чем ниже). «Ловля зверей, как пушных, так и употребляемых в пищу <...> составляет одну из главных отраслей промышленности Адехе (и убыхов, которые отнесены автором к черкесам. — Л.Л.). Кожи зверей употребляются для одежды и составляют значительную отрасль внешней торговли» [111, № 24].

Что касается рыболовства, то оно, кажется, не играло значительной роли в хозяйстве [111, № 24]. Три последних занятия мы можем отнести к домашним промыслам убыхов XIX в. К ним же следует отнести и шелководство, распространившееся лишь в XIX в. О шелководстве Новицкий сообщал в 1829 г: «В последнее время <...> на землях, смежных с абазинцами, <...> с помощью выходцев, сведущих в расположении шелколичных червей, убыхи и гуаие приучились разводить оных и добывать

из них в малом количестве шелк для собственного употребления» [111, № 24, с. 3, 98; 117, с. 40].

Настоящим ремеслом, а не домашним промыслом, было лишь кузнечное дело, подымавшееся иногда до положения кустарного производства на продажу. Кузнецы, кроме хозяйственных изделий (косы, лемехи, топоры, ножи и пр.), изготавливали холодное оружие, а иногда и огнестрельное. «Винтовки и шашки их (убыхов. — Л.Л.) изделия имели высокую цену по своему достоинству и славились на всем Западном Кавказе» [137, № 9, с. 176].

Настоящие кустарные предприятия, работавшие на рынок, в Убыхии отсутствовали. Попытки насаждения таких предприятий делались, но они не достигали большого эффекта. Так турецкие лесоторговцы, вывозившие с черкесо-убыхо-асадуаского побережья древесину, создали на р. Бегрипши (в Асадуа) лесопильное предприятие с целью частичной обработки сырья на месте. «Джигеты и другие горцы <...> рассказывали об этом пильном заводе как о чуде; в действительности же техническая часть завода оказывается очень неудовлетворительной: приемник и приводы были устроены весьма дурно и грубо» [3, № 76].

Во время Магомет-Эмина вблизи одного из убыхо-абдзахских перевалов были обнаружены залежи серебра. По словам одного абдзаха, Магомет-Эмин с целью организации добычи, направил туда 200 человек русских (пленных и дезертиров) и абдзахов, которые и приступили к работам. Но убыхи будто бы большою массою отправились и уничтожили всех работавших на рудниках. Когда Магомет-Эмин запросил убыхов о причине такого поступка, то они ответили, что это было сделано из боязни царского правительства, которое, прослышав о серебре, непременно бы направило большую армию в горы, и край скоро оказался бы покоренным [65]. Так рудники больше и не восстанавливались.

Натуральное хозяйство убыхов давно подтачивалось ростом обмена. Внутренний обмен происходил, главным образом, между Верхней Убыхией, с одной стороны, и прибрежной полосой — с другой. Он шел по линии снабжения прибрежных жителей медом и фруктами в обмен на продукты земледелия; кроме того, между этими же частями Убыхии происходило спорадическое взаимоснабжение рабами. Внешний обмен совершался, главным образом, между убыхами и абдзэхами и убыхами и Турцией. Обмен между убыхами и прибрежными племенами Черкесии и Абхазии почти отсутствовал.

Абдзахи были связаны с убыхами взаимным обменом рабами, продуктами, ремесленно-кустарными изделиями. Убыхи сбывали абдзахам товары, получаемые от турецких купцов и, в свою очередь, были посредниками при сбыте абдзахского товара (главным образом, рабов) в Турцию. Правда, абдзахи и сами отправлялись на Убыхское побережье для

непосредственных сношений с турками и, имея в Убыхии знакомых и родственников, могли более или менее беспрепятственно передвигаться в этом крае, но все же убыхи выступали чаще посредниками, отчего имели материальную выгоду.

Не лишено интереса сообщение Новицкого о межплеменных и межобщинных торговых сношениях среди черкесов и убыхов: «Внутри земель адехе торговля исключительно принадлежит армянам (в Убыхии — в меньшей степени. — Л.Л.), сверх того, адехе производит взаимную меновую торговлю собственными произведениями и изделиями без взимания пошлин с торгующих. В сем случае условия утверждаются князьями или судом присяжных, которые взаимно обязуются клятвой покровительствовать промышленников с обеих сторон, как гостей. Если случится на которой <...> стороне обида, то князь или присяжный суд со стороны обидчика отвечает удовлетворением понесенного с другой стороны ущерба. Если же поступком сим нарушаются взаимные сношения, то обе стороны снова сходятся и делают новые договоры о безопасности торговли» [111, № 25].

Но наибольшее значение для убыхов имела морская торговля с Турцией. Турецкие купцы на легких парусных судах, так называемых кочермах, в XIX в. пробирались незаметно среди крейсирующих русских кораблей к Субешху, Хобзы, Вордане, Псахе, Сочи, Хоста, а когда Субешх и Сочи оказались захваченными царскими войсками, то к остальным пунктам. Приближаясь к берегу ночью, купцы ориентировались по огням, которые обычно поддерживались горцами. Когда кочерма благополучно проскальзывала между царскими судами и приставала к берегу, торговцы выстрелами скликали жителей. «Весь груз судна прибрежными жителями мгновенно разбирается по домам. При этом хозяин судна ничего не теряет, редкий пример добросовестности» [139, с. 97]. Разгруженную кочерму вытаскивали на берег и прятали в ветках, или же делали в ней дыры и топили в устье реки, чтобы укрыть ее от царского флота. К обратному пути дыры заделывались, вода выкачивалась, и кочерма снова нагружалась [168, с. 321–322].

Главными импортными товарами из Турции были: соль, дешевые ситцы, железо, оружие, порох, свинец. Главной статьей экспорта являлись девушки, предназначенные для гаремов. Кроме того, сбывали рабов мужского пола, поступавших на пополнение янычар и для работ в трапезундских медных рудниках. Меньшее значение имел вывоз меда, воска, строевого леса (бук, орех, самшит), звериных шкур и, кажется, даже пивовок [3, № 76; 115, № 11, с. 153; 111, № 23–24].

Ф.Ф. Торнау описывает процесс продажи невольницы туркам сочинцами: «Около берегового завала под защитою карауливших его горцев, человек пять турок ожидали продавцов. Они бросились к нам навстречу

и, узнав, что есть женщина, попросили позволение осмотреть ее. После того они по жребью определили, кому из них торговать ее, и начали переговариваться с нами, причем мы со всею восточною важностью уселись в киоске, стоявшем возле кладбища <...> каждый из нас был призван подать свое мнение. Между тем турок-посредник беспрестанно ходил от нашего общества к купцам и от купцов к нам, уговаривая ту и другую сторону согласиться на предлагаемые условия. В это время предмет торговли сидел на камне с видом величайшего равнодушия, не замечая, кажется, того, что происходило от него в самом малом расстоянии и от чего зависела его будущая судьба. Наконец, порешили торг, уступив женщину за две лошади и за два вьюка бумажных материй. За нее дали бы вчетверо больше, если бы она была девушка. Когда ей объявили, что она принадлежит новому хозяину <...> она пришла почти в бешенство, рыдала, рвала на себе волосы, осыпала всех упреками, так что мне не на шутку стало жаль ее <...> Едва турок успел посадить пленницу на лошадь, накинув на нее новое покрывало, как она уже приняла довольный вид и начала прихорашиваться, драпируясь им, сколько умела» [143, ч. II, с. 49].

Ив. Аверкиев делает замечание, что убыхи и мдажвюе, в противоположность абхазам и асадзуа, не торговали женщинами, и поэтому убыхи и мдажвюе, по его словам, отличались от абхазов лучшими физическими чертами [3, № 74]. Но это не соответствовало действительности. Если продажа собственных детей, возможно и была менее распространена среди убыхов (благодаря лучшей материальной обеспеченности их), то этого нельзя сказать о торговле пленными и приобретенными рабами и рабынями. Убыхи занимались такой торговлей в больших размерах, чем, скажем, шапсуги, натхуаджи, не говоря уже о черкесах Закубанья [89, I, s. 93, 116, 117, 119].

О размерах морской торговли Турции с северо-восточным берегом Черного моря можно судить по тому, что, несмотря на блокаду 1836 г., эту торговлю постоянно обслуживало около 150 кочерм [13, s. 61].

Турецкие товары к горцам и горские в Турцию доставлялись купцами-профессионалами из турок, лазов и армян. Некоторые из них заводили на горском берегу свои собственные дома, служившие в то же время факториями. Но и некоторые из горцев (в том числе и убыхи) сами совершали торговые рейсы в Турцию и обратно на собственных кочермах. Одним из таких типов был богач Хассан-бей из Хизе, собственник двух кочерм [13, s. 365].

Царское правительство, приступив к завоеванию Западного Кавказа, делало попытки направить внешнюю торговлю горцев в свою сторону, чтобы «посредством оных (торговых сношений. — Л.Л.) <...> смягчить суровость их (т.е. горцев. — Л.Л.); между тем, вразумив в выгоды связей

с нами, уменьшить исключительное на них влияние Порты и, наконец, между полудикими семи народами ввести просвещение», — писал граф Ермолов к графу Нессельроде 27 апреля 1822 г. [6, т. VI, ч. II, с. 485]. Эта торговля не могла заинтересовать русский торговый капитал, так как преобладание натурального характера горского хозяйства создавало узость менового рынка, а главный продукт экспорта — невольницы — не соответствовал рыночному спросу в России. «Произведение земли горских народов ничтожны, и торговли нашей обогащать не в состоянии» — говорит Ермолов в том же отношении к Нессельроде. Таким образом, все попытки, связанные с поощрением русско-горской торговли, до середины XIX в. имели своей целью не экономические, а политические интересы. Но, как будет видно из дальнейшего изложения, несмотря на обратное заявление Н. Карльгофа [74, с. 25; ср. 6, т. X, с. 683], убыхов так и не удалось втянуть в эту торговлю.

Так как денежные отношения не внедрились в Убыхии до конца ее существования, то торговля происходила посредством натурального обмена. При этом счет велся, по всей вероятности, так же как и у соседних шапсугов, натхуаджей и абдзахов, на «головы», под которыми подразумевались головы крупного рогатого скота.

Общий вывод о занятиях убыхов XIX в. напрашивается следующий: 1) преобладание натурального хозяйства; 2) отсталая простейшая техника; 3) значительная роль ряда примитивных форм хозяйства — мотыжное земледелие, бортничество, охота, собирание дикорастущих плодов (груши, кислицы, каштаны, орехи); 4) неразвитость промыслов, из которых лишь некоторые (кузнечное дело) поднялись до положения ремесла и почти ни одно из них не стало кустарным производством, работающим на рынок; 5) несмотря на развитый обмен, он ограничивался лишь несколькими видами товаров, среди которых (в экспорте) выдающаяся роль принадлежала невольницам и невольникам. Кроме того, следует в заключение указать на большую тщательность и трудолюбие, которые вкладывались убыхами в сельскохозяйственные работы⁴.

Социальный строй

В первой половине XIX в. общественные отношения в Убыхии характеризовались следующими чертами: 1) родовые союзы уже сменились территориальными; 2) патриархальное рабство медленно преобразовывалось в своего рода колонат (рабов, посаженных на землю); 3) племенная знать делает ряд попыток организационного оформления своего фактического господства над свободными общинниками; 4) активизация

⁴ Приведенная выше цитата из Новицкого [111, № 23], говорящая о праздности убыхов, противоречит указаниям остальных авторов, лично побывавших в этом крае.